

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 297.1

Реконструкция последнего этапа распространения ислама в Дагестане на основе местных арабоязычных письменных источников (XVI–XVIII вв.)

Ш. М. Хапизов, М. Г. Шехмагомедов

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. Ярагского, 75

Для цитирования: *Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г.* Реконструкция последнего этапа распространения ислама в Дагестане на основе местных арабоязычных письменных источников (XVI–XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 1. С. 54–70. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.104>

Исследуется процесс распространения ислама в Цунте — юго-западной части Нагорного Дагестана, ныне входящей в состав Цунтинского района Республики Дагестан. Цунта к концу XVI в. оставался единственным в Дагестане микрорегионом, жители которого еще не придерживались ислама. Исследование построено на комплексном подходе к вопросу — авторы привлекают сведения эпиграфических памятников, нарративы, уже опубликованные письменные источники, а также зафиксированные ими устные предания. При этом последние использованы лишь в качестве вспомогательного источника, который привносит в реконструируемую картину дополнительные сведения. Базисными служат местные арабоязычные письменные источники — эпитафии мемориальных памятников и переписка представителей духовной и политической элиты Дагестана с сельскими обществами горного Дагестана. Первые выявлены авторами в местности Кортан, расположенной в Анцухском ущелье Тляратинского района. Также в ходе археографической экспедиции авторы обнаружили три арабоязычных письма, в которых содержатся ответы на некоторые узловые вопросы, связанные с исследуемой темой. Одно из них, как выяснилось, уже было ранее опубликовано, но авторы предлагают свой вариант перевода, а также впервые публикуют копию письма. Два других письма впервые вводятся в научный оборот. Удалось выявить малоизвестный ранее феномен функционирования газийского центра в средневековом Дагестане. Из Кортана с привлечением добровольцев из других населенных пунктов организовывались военные походы на общины «язычников», не желавшие принять ислам. Отсюда же в Цунту назначались кадии и прочие представители исламского духовного сосло-

вия, которые вели миссионерскую работу. Также удалось датировать процесс распространения ислама в Цунте, который протекал с конца XVI в. по начало XVIII в.

Ключевые слова: Дагестан, ислам, газии, эпитафка, арабский язык.

Средневековая история Дагестана и наиболее узловые ее моменты, к которым мы относим распространение христианства вкпе с традиционными верованиями и смену их исламом, — одна из малоисследованных тем, которая вызывает интерес как профессиональных историков, так и краеведов. Однако дефицит местных свидетельств и слабое освещение прошлого этого края во внешних (прежде всего грузинских) источниках не давали возможности ответить на большинство вопросов, возникающих перед любым исследователем этого периода истории Нагорного Дагестана. Постепенное введение в научный оборот памятников эпитафки и местных письменных документов, содержание которых мы рассмотрим в контексте исторических процессов, заметно обогатит источниковую базу по средневековой истории наиболее отдаленных и малоизученных горных районов Дагестана.

С этой целью Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН организывает ежегодные археографические экспедиции по районам Дагестана. В ходе одной из экспедиций 3 июля 2019 г. авторы побывали в Анцухском ущелье (Тляртинский район), расположенном в самом сердце Нагорного Дагестана. В глубине этого ущелья находилось заброшенное ныне поселение Кортан. На крутом склоне, обращенном к солнцу, от бывшего населенного пункта остались средневековая мечеть и перестроенное здание местной бани (*кбулзла*) с небольшим бассейном, наполненным холодной родниковой водой. К мечети примыкают несколько мемориальных плит, изготовленных из речных валунов, а также кладбище. В местности, представленной синеватым сланцем, большинство зданий построено из этого материала, и доставка на эту высоту речных валунов со dna ущелья — занятие весьма трудоемкое. Этим можно объяснить, что почти все надмогильные плиты на кладбище были установлены из сланца, кроме мемориальных стел, воздвигнутых в память о важных лицах общины, которые погибли за пределами Анцухского ущелья. Здесь нам удалось выявить только шесть арабоязычных надписей на плитах, внимательное исследование которых вкпе с рассмотрением географического расположения местности и ее функций в условиях исторического контекста привело нас к мысли о том, что поселение являлось газийским центром, откуда в XVI–XVII вв. осуществлялись походы на Цунту — последний оплот язычества в горном Дагестане. Мечеть и мадраса в местности Кортан, как выяснилось, служили центром притяжения для жителей различных обществ горного Дагестана, движимых желанием участвовать в распространении ислама в Цунте, и расположенных по соседству грузинских и чеченских обществ. Ниже приводится прочтение и перевод надписей.

Первая мемориальная плита, отличающаяся наибольшими размерами (наземная часть составляет около 2 м в высоту и 40 см в ширину) установлена впритык к юго-западному углу мечети. Плита богато орнаментирована и имеет надпись, датируемую исходя из палеографических особенностей рубежом XVI–XVII вв. Перевод: *Облада*

тель этого камня — Тебел¹ сын Кулдума² ал-Таши³, убитый в сражении с неверными (рис. 1).

صاحب هذا الحجر
طِبِلُ بْنُ قُلْدُومِ النَّاشِي
الْمَمْقُولِ
فِي مَعْرَكَةِ الْكُفَّارِ

В нескольких метрах западнее первой плиты в грунте нами выявлен обломок плиты (90 × 40 см), на котором имелась надпись конца XVI в. Перевод: [Обладатель] этого камня — Хасан сын Вашара⁴, убитый в сражении с неверными (рис. 2).

هَذَا الْحَجَرِ حَسَنُ بْنُ وَشَرَ

Третья надпись нанесена на плиту из речного валуна (120 × 45 см), установленную в нескольких метрах западнее предыдущих. Это единственная датированная надпись из шести выявленных нами, что позволяет датировать все обнаруженные надписи. Перевод: Обладатель этого камня — Алим сын Хасана, да простит их Аллах. Смерть — истина, а жизнь — обман! И кадием [мы] оставили после Галава⁵... Дата — 1001 год (1001 год хиджры начался 7.10.1592) (рис. 3).

صاحب هذا الحجر علم
بن حسن غفر الله لهما
الموت حق و الحيات
باطل و لينا على الاعقاب
قاضي كلو منا ...؟

На южной окраине кладбища установлена плита (130 × 55 см) с надписью, которая, судя по палеографическим ее особенностям, синхронна предыдущей. Перевод: Обладатель этого камня — Шарип сын Магди (рис. 4).

صاحب هذا الحجر
شرف بن مهد

Там же выявлена плита (105 × 38 см), которая сломана в своем основании и уже вросла в грунт. Надпись датируется нами предположительно началом XVII в. Перевод: Обладатель этого камня — Мухаммад сын Гитина (?)... (рис. 5).

صاحب هذا الحجر
محمد بن هِطْنُ؟

Здесь же обнаружен еще один обломок плиты (85 × 43 см) с мемориальной надписью. Судя по палеографическим особенностям, а также орнаментальному оформлению, это наиболее ранняя надпись из исследованных нами, ее мы датируем предположи-

¹ Тебел (авар. *Тибел*) — традиционное мужское имя у аварцев. В анцухском селении Кобосида одна из патронимий (*тухум*) известна как *ШехтТибелал* (авар. «потомки шейха Тебела»). Это наталкивает на мысль о происхождении данного тухума от упомянутого Тебела, учитывая редкость имени и приставку в названии Шехтебелал, свидетельствующую о религиозном статусе лица.

² Кулдум (авар. *Къулдум* — «кольчуга») — традиционное мужское имя у аварцев.

³ ал-Таши — уроженец ущелья Ташал, расположенного в центре Нагорного Дагестана, к востоку от Анцуха (ныне на севере Ляртинского района Дагестана).

⁴ Вашар (вариант — Мачар) — традиционное мужское имя у аварцев.

⁵ Галав — традиционное мужское имя у аварцев.

тельно второй половиной XVI в. Перевод: *Это камень Ханту⁶ сын Хажа⁷. Пал шахидом в бою [с неверными]* (рис. 6).

هذا الحجر
حنط بن خج
[القتل شهيد
[الكفار] في قتال]

Рис. 1. Эпитафия Тебела сына Кулдума ал-Таши (рубеж XVI–XVII вв.) (фото авторов)

Рис. 2. Эпитафия Хасана сына Вашара (конец XVI в.) (фото авторов)

⁶ Ханту (авар. *Xiantu*) — традиционное мужское имя у аварцев. В составе населенных пунктов общины Кортан имеется хутор Хантаколоб (авар. *Xiantakolob* — «на хуторе Ханту»), что говорит о распространенности в прошлом данного мужского имени в Анцухе.

⁷ Хажа (авар. *Xija*) — традиционное мужское имя у аварцев.

Рис. 3. Эпитафия Алима сына Хасана (1592/93 г.) (фото авторов)

Рис. 4. Эпитафия Шарипа сына Магди (конец XVI в.) (фото авторов)

В ходе экспедиции 2019 г. авторам удалось выявить в частных рукописных коллекциях три письменных источника конца XV в. — начала XVIII в., которые дополняют вышеуказанные сведения эпиграфических памятников.

Первое — письмо Али-бека, правителя удельного владения в Аварском нудальстве, который распространил ислам в Анцухе в 1470-х годах. На оборотной стороне письма стоит оттиск его печати (1,2 × 1,2 см) с надписью «Раб Его (Аллаха) Али-бек». Таким образом, это одно из самых ранних сохранившихся писем правителей горного Дагестана, ныне хранящееся в частной коллекции А. М. Нурмагомедова. Написано оно на листе бумаги (15 × 9,5 см) местного производства почерком, известным как дагестанский насх. Письмо ранее введено в научный оборот Т. М. Айтберовым [1, с. 5–6], однако не была издана копия письма. Восполняя этот пробел, авторы также дают собственный перевод письма. В нем Али-бек обращается к анцухцам с предложением уточнить у кидеринцев (*Кидер*)⁸, не хотят ли они принять добровольно ислам, грозя в противном случае прибыть к ним с «войска-

⁸ Кидеринцы — жители самого крупного ныне в Цунтинском районе селения Кидеро, расположенного на границе с историческим Анцухом (между Кидеро и Бежтой — Гинухский перевал).

Рис. 5. Эпитафия Мухаммада сына Гитина (?) (начало XVII в.) (фото авторов)

Рис. 6. Эпитафия Ханту сына Хажы (2-я пол. XVI в.) (фото авторов)

ми, против которых им не устоять». Письмо датируется нами рубежом XV–XVI вв. исходя из того, что отправитель письма Али-бек погиб около 1509 г.⁹

Второй обнаруженный нами источник — письмо, написанное на листе бумаги (19×12 см) местного производства почерком, известным как дагестанский насх. Оно составлено, вероятно, в конце XVII в. известным дагестанским ученым Дамаданом ал-Мухи (1650–1724) и адресовано общине Кидеро, проживавшей на востоке Цунты. В нем ал-Мухи выражает удовлетворение тем, что они сохранили верность исламу, который ими был принят незадолго до этого. Вместе с тем он указывает в письме, что ислам среди них был распространен мирным путем под на-

⁹ Подробнее о нем см. ниже.

чалом некоего Умара ас-Суграхи, т. е. уроженца аварского селения Согратль. Также из письма становится известно, что на тот момент дибиром¹⁰ в Кидеро являлся некий Мирза, который пришел к Дамадану с известием о приверженности кидеринцев исламу и который собирался вернуться в Кидеро. Дамадан прельщает кидеринцев открывающимися для них возможностями налаживания торговых отношений с остальным Дагестаном («увеличится число торговцев, направляющихся в вашу сторону»), а также увещевает их, убеждая сохранять верность исламу, относиться с уважением к Мирзе и проезжающим через Кидеро дагестанцам.

Вместе с тем в письме содержится информация о том, что Хванал и Тлебелал¹¹ распространили слухи о том, что кидеринцы отказались от ислама и вернулись к своим традиционным верованиям («отступили от веры, перейдя в неверие»).

С этим нюансом связано третье письмо, которое публикуется в статье. Оно написано на листе бумаги (21 × 10,5 см), вероятно иранского производства, почерком, известным как дагестанский насх. В нем жители восточных ущелий Анкратля обращаются к жителям центральных и западных обществ с просьбой извещать о новостях и происходящих событиях, которые до них доходят с большим опозданием из-за труднодоступности их селений, также они просят: «Давайте и нам знать, когда вы будете собираться на совет». Вместе с тем они же пишут, чтобы те не старались лишить их тех выплат, которые поступают жителям всего Анкратля: «Что положено нам [получать] из джизьи¹² или хараджа». Это наводит на мысль о том, что они имеют в виду поступления от жителей Цунты.

Ниже приводятся наши переводы всех трех писем с комментариями:

Письмо амира Али-бека анцухцам (рис. 7)

Приветствия безграничные, бесконечные, несметные, бескрайные, безмерные, нескончаемые и беспредельные от правителя всех правителей (*амир-у-л-умара*) 'Али-бека ученым и старшинам анцухцев (*амсал*) в особенности и их молодежи в общем. Далее.

Пожелание мое заключается в том, что вы окажете честь и разведаете у непокорных¹³ кидеринцев (*Кидир*), не собираются ли они добровольно принять ислам, взять [к себе] дивира¹⁴ и выдать нам [соответствующий] документ до наступления наших войск и сбора наших ратей. Если они примут [эти условия], то пусть будет так, иначе сообщите им, что я нагряну с войском, перед которым они не устоят¹⁵, если Всевышнему Аллаху будет угодно. Посоветуйтесь по этому поводу, как поступить решительно и наилучшим образом. Быть может, Аллах не оставит нас и поможет нам и сделает

¹⁰ Дибир — имам сельской мечети в горном Дагестане.

¹¹ Аварские этнонимы, обозначающие жителей Анкратля (ныне жители Гляратинского района и Бежгинского участка РД).

¹² Джизья — подушная подать, налагаемая на иноверцев в исламских государствах. Женщины, старики, дети, бедные и рабы были освобождены от нее. Идея подати заключается в том, что обладателям Писания не предписывалось участие в войнах, чтобы защищать себя и других, поэтому считалось справедливым взимать с них джизью, так как мусульманское государство их защищало и обеспечивало им нормальную жизнедеятельность и возможность предпринимательства, а мусульмане платили налоги другого рода.

¹³ Букв. «бесчинствующих».

¹⁴ В аварском языке для обозначения имама общины принят термин «дибир». В тексте он употреблен в форме «дивир».

¹⁵ Аллюзия на Коран 27:37.

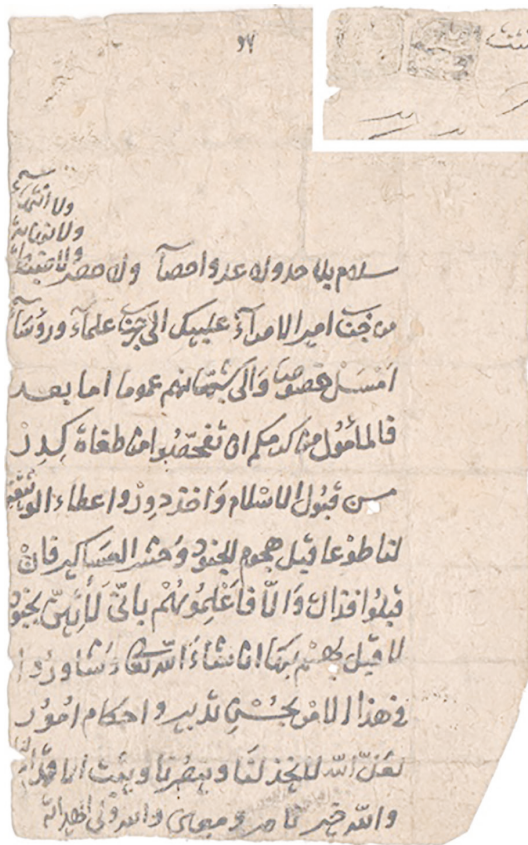

Рис. 7. Письмо амира Али-бека анцухцам (рубеж XV–XVI вв.). В правом верхнем углу — оттиск печати, поставленный на обороте письма. Из частной коллекции А. М. Нурмагомедова

твердой нашу поступь, ведь Аллах — лучший помощник и в Его власти наставление [на истинный путь].

Письмо Дамадана ал-Мухи общине Кидеро (рис. 8)

Приветствия безграничные и бесчисленные жителям Кидеро (*Кидир*), затем и нашему кунаку Хаку (*Гьаку*). Да убережет их Аллах и да поможет им в их религии (и поможет им следовать их религии). Амин!

Далее. Все мусульмане¹⁶ были убеждены в том, что вы отступили от веры, перейдя в неверие, и попятились назад из-за наговоров и клеветы Хванал¹⁷ и Тлебелал. До тех пор пока к нам не пришел податель сего письма Мирза и не поведал, что вы продолжаете следовать [истинной] вере и ведомы Аллахом по прямому пути, и то, что вы остаетесь правоверными, как вас оставял ‘Умар ас-Суграхи¹⁸. Тем самым мусуль-

¹⁶ Букв. «люди ислама, или все, кто исповедуют ислам».

¹⁷ Название общины *Хьванал* (аварская фонема *Хь* записана в качестве «К» с тремя точками).

¹⁸ Уроженец аварского селения Согратль (ныне в Гунибском районе Республики Дагестан).

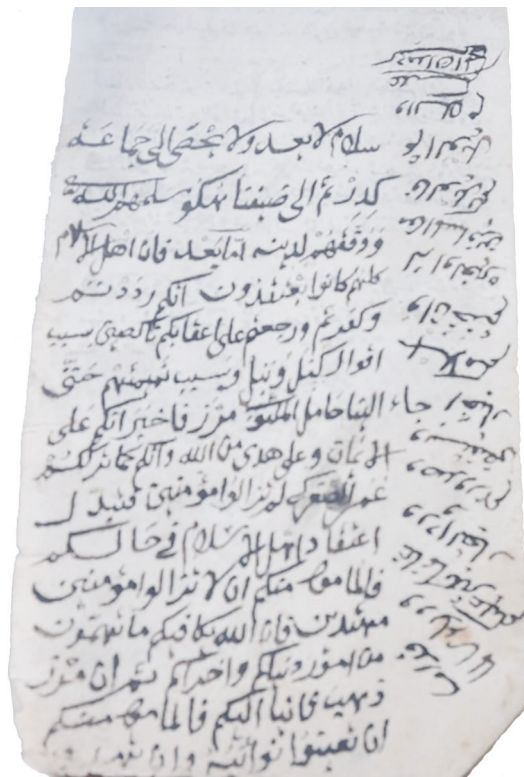

Рис. 8. Письмо Дамадана ал-Мухи общине Кидеро (рубеж XVII–XVIII вв.). Из частной коллекции М. Г. Шехмагомедова

мане поменяли свое мнение¹⁹ насчет вас. И мы надеемся, что вы и далее останетесь правоверными людьми и будете следовать истинному пути. Знайте же, [что в таком случае] Всевышний Аллах избавит вас от мирских забот и тягот потустороннего мира. Далее, Мирза вторично отправляется к вам, и полагаем, что вы будете помогать ему в трудную минуту и опекать его [нрзб] со всех сторон, в целости и сохранности. В таком случае увеличится число торговцев, направляющихся в вашу сторону, и тем самым весть о том, что вы приняли ислам, распространится [повсеместно]. Однако если же вы будете поступать вероломно²⁰ в отношении него или остальных путников, то горе вам и позор! И мир вам. Записал [это послание] Дамадан ал-Мухи.

Письмо жителей Гланада и Томурал общинам Анкратля (рис. 9)

Он (Аллах), дарующий помощь!

Приветствия вам бесконечные и вечные от Аллаха в первую очередь, во-вторых от его посланника, и в-третьих, от всех без исключения жителей Гланада (*Кьен*) и Томурал (*Умур*) ученым, праведникам и молодежи области Анкратль²¹, [за исключением Анцуха

¹⁹ Букв. «убеждение».

²⁰ Букв. «измените», «предадите».

²¹ В тексте: «иклим Саб' ард», что является калькой аварского названия Анкратль (авар. *Анкь-ракь* — «Семиземель»).

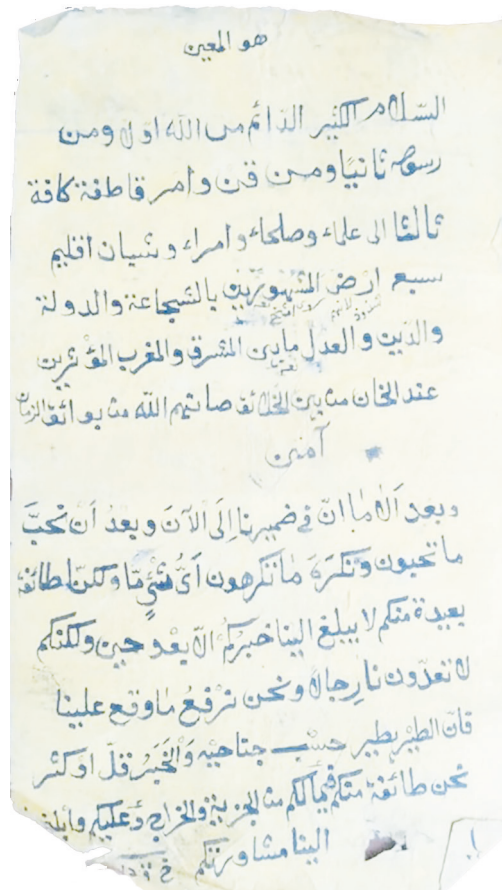

Рис. 9. Письмо жителей Гланада и Томурал общинам Анкратля (начало XVIII в.). Из частной коллекции М. Г. Шехмагомедова

(Амсух)], известным всем, кто находится на западе и востоке, своим бесстрашием, властью, религиозностью и справедливостью и являющимся из числа избранных рядом с правителем²². Да сохранил вас от превратностей этого времени. Амин.

Далее. Если выразить словами то, что содержится в наших сердцах в отношении вас до сих пор и на будущее, это любить то, что любите вы, и ненавидеть то, что ненавидите вы, чего бы это ни касалось. Однако мы община, которая находится далеко от вас, и потому известия до нас доходят лишь по истечении некоторого времени. Всё же вы не считаете нас [достойными] людьми, хотя мы и выполняем все наши обязательства. Однако птица может летать лишь только так, как ей позволяют ее крылья. И каким бы образом ни выражаться (букв. «вкратце или многословно»), мы все же часть вашей общины касаясь всего, что положено нам [получать] из джизьи или хараджа, или же того, что положено нам выплачивать, и потому давайте и нам знать, когда вы будете собираться на совет (*мушавара*). Лучшая из речей, что коротка, но уместна.

²² Букв. «хан».

Исторический контекст

Отметим, что известны два кратких исторических сочинения, посвященные распространению ислама в Анкратле, одно из которых выявлено и введено в научный оборот авторами статьи. В нем затрагивается также тема приобщения населения Цунты к исламу. Эти сочинения получили условные названия «История Анкратля» и «История Тледока» [2; 3].

Учитывая содержание «Истории Анкратля» и прочих письменных источников, мы можем говорить о том, что принятие ислама большей частью жителей Анкратля произошло в 1476–1483 гг. [3, с. 29]. Одним из важных обстоятельств, способствовавших распространению ислама в аварских обществах, пограничных с Грузией, стал распад этого христианского государства на несколько самостоятельных частей в 1466 г., что повлекло ослабление влияния христианской церкви в этом регионе. Грузинские регионы Тушети и Кахети оказались независимыми от центральной власти, которая пыталась их вернуть в состав единого феодального государства. Давид Багратиони — первый правитель Кахетинского царства — временами был вынужден скрываться в Цунте. В 1469 г. Давид смог короноваться и, несмотря на то что в 1471 г. он уже умер, цунтинские аварцы сохраняли верность его сыну Георгию, который умер в 1492 г. [4, с. 132–133]. Можно предположить, что с его смертью прекратилась и зависимость цунтинских аварцев от Кахетинского царства. Одновременно произошло усиление влияния исламского центра в Анцухе.

Согласно «Истории Анкратля», анцухцы обязались «вести священную войну против жителей области Цунта до тех пор, пока они не примут ислам и будут исполнять все его предписания и также не станут выплачивать покорно джизью. Жители области Анцух согласились во главе всего общества Анкратль вести дело джихада» [3, с. 28]. Таким образом, «История Анкратля» указывает, что с определенного момента Анцух стал основной движущей силой в распространении ислама в южной, приграничной с Грузией, части горной Аварии. О руководящей роли анцухцев в исламизации селений микрорегиона Тлебел говорят и местные предания, записанные автором в 2009 г. в селениях Цумилух и Нитилицух Тляратинского района [3, с. 30].

Эти сведения подтверждает и другой письменный источник, а именно вышеупомянутое письмо амира Али-бека к анцухцам («амсал»), датированное рубежом XV–XVI вв.: «Надеюсь, что вы великодушно разведаете у непокорных кидеринцев (Кидер) относительно [возможности] принятия [ими] ислама, взятия дивира (дибира, т. е. муллы) и отдачи документа нам добровольно, до наступления полков и сбора войск. Если они примут [ислам], то [пусть] так [и живут себе], а если нет, то вы объявите им, что я приду с войсками, против которых им не устоять» [1, с. 5–6].

Вышеуказанный Али-бек — родной брат правителя Аварского нуцальства Булача, который правил южной частью Аварии и был также известен в письменных источниках как хаджи Али-шамхал (1450–1509), распространитель ислама в западной части горной Аварии. Правивший в конце XV в. аварский нуцал Андуник не имел сыновей и определил своими наследниками сыновей своего брата Мухаммадмирзы. Племянники Андуника Булач и Али-бек (также известен как Хаджи-Али), выбрав себе уделами Хунзах и Гидатль соответственно, начали между собой враждовать. В этой ситуации в 1485 г. на горе Анди близ озера Анди-хор (Кезенойам) собралась элита Аварского нуцальства, чтобы выработать стратегию дальнейшего

развития государства. Там между братьями был устроен раздел подвластной им территории. Однако перемирие 1485 г. между ними длилось недолго, а после смерти их дяди распри только усилились. Итогом феодальной войны стал захват селения Хучада, резиденции Али-бека, около 1509 г. и его убийство. Его сыну Ганбулату удалось с частью дружинников выскользнуть. Затем он через четыре года осел в селе Ратлу-Ахвах и перед смертью попросил в 920 году хиджры (начался 7.03.1514) записать по-арабски отцовские и собственные заложенные. Текст он запечатал перстнем отца и передал его своему старшему сыну Мусалаву. Этот текст позволил нам реконструировать описанные события [5].

Возвращаясь к Али-беку, отметим, что его попытка распространить ислам в Кидеро была неудачна. Однако, как указывает «История Анкратля», анкратлинцы и прежде всего анцухцы, «в конце концов завоевали земли цунтинцев и тем самым наложили на каждый дом их джизью и харадж. Об этом было известно в народе. Исключение составили [общины] Мокок и Шаитли, так как они поддержали анкратлинцев и оказали им радушное гостеприимство, когда те шли через них в поход и возвращались обратно. Затем они (анкратлинцы) построили там (в области Цунтал) мечети, назначили над ними кадиев и правителей, установили среди них нормы и весы шариата» [3, с. 28].

Возвращаясь к началу нашего исследования, отметим, что Кортан являлся центром небольшого общества в Анцухском ущелье, включавшего в себя Тох, Бочох, Карада, Росноб, Нухатколог и другие населенные пункты [6, с. 60]. Этим, вероятно, обусловлено и само название Кортан, которое переводится с аварского языка как «лобное место» / «общественный центр [поселения или ущелья]». В каждую пятницу все взрослые мужчины Тохского общества собирались в мечети Кортана [6, с. 88]. Должность кадия Кортана и дибера (предстоятеля) мечети традиционно занимали представители тухума *Къаралал*, проживавшего в селении Тох. К примеру, в конце XIX — начале XX в. эту должность принадлежала кади Каралазулу Денгалаву [6, с. 92]. Таким образом, Кортан вплоть до начала XX в. сохранял функцию исламского центра Анцуха, куда каждую пятницу на праздничную молитву собиралась значительная часть жителей Анцухского ущелья. С учетом вышеприведенных данных, на наш взгляд, мы имеем все основания видеть в поселении Кортан своеобразный центр по распространению ислама в Цунте. Сюда стекались газии (араб. «воители за веру») из различных аварских селений горного Дагестана, в том числе предок вышеуказанного кадийского тухума Каралал переселился в Анцух из ущелья Карах (ныне в Чародинском районе РД), а Тебел, сын Кулдума, к примеру, из ущелья Ташал (ныне в Тляратинском районе РД; см. выше перевод первой эпитафии из Кортана). Очевидно, что в распространении ислама в Кидеро ключевую роль сыграл некий алим Умар из аварского селения Согратль (ныне в Гунибском районе), а также известный ученый-богослов Дамадан из селения Мегеб, расположенного рядом с Согратлем.

Кортан расположен на основном пути из Анцуха в северную часть Цунты — Шаитлинское ущелье, которое, согласно «Истории Анкратля» и прочим преданиям, было первым обществом, принявшим здесь ислам. Судя по всему, это произошло в 1590-х годах, согласно третьей эпитафии из Кортана, которая сообщает о назначении в каком-то обществе Цунты кадия по имени Галав, который, судя по имени, мог быть уроженцем аварского района Андалал (ныне Гунибский). Об этом же го-

ворит и текст «Истории Анкратля», согласно которому анцухцы «построили там (в области Цунтал) мечети, назначили над ними кадиев и правителей, установили среди них нормы и весы шарията» [3, с. 28].

Из текста «Истории Анкратля» ясно, что цунтинские общины Шаитли и Мокок приняли ислам добровольно и, более того, способствовали его распространению в соседних обществах. Если исходить из названной выше даты, а также устной традиции, ислам в Цунте в основном распространялся с севера, а не с востока — из Бежты, с которым Кидеро связывал удобный Гинухский перевал. К началу XVII в. жители северной (Шаитли) и центральной (Мокок) части Цунты уже приняли ислам, но жители двух изолированных ущелий на востоке (Кидеро) и на западе (Асах) Цунты оказали ему упорное сопротивление.

Исходя из выявленного нами письма, составленного, вероятно, на рубеже XVII–XVIII вв. Дамаданом ал-Мухи (его перевод см. выше), в конце XVII в. жители Кидеро все же приняли ислам. Это стало результатом проповеднической деятельности Умара из Согратля, а также наставнической активности самого Дамадана ал-Мухи, который прилагал дипломатические усилия, чтобы убедить жителей Кидеро в выгоде для них приобщения к исламу. Окончательно жители Кидеро исламизировались, вероятно, в начале XVIII в. Верхним пределом следует считать 1724 г., когда погиб Дамадан. Известно, что это произошло в Гяндже в конце осени 1724 г. во время захвата города экспедиционным корпусом Османской армии. Согласно дагестанским памятным записям, взятие Гянджи и смерть Дамадана произошли в месяце сафар 1137 г. [7, с. 119], т. е. в конце октября — первой половине ноября (20.X — 17.XI) 1724 г.

Вместе с тем это не стало окончанием процесса исламизации Цунты. Вахушти Багратиони в 1730-х годах писал, что часть Цунты соседние аварцы «обратили в магометанство, а прочие остаются такими же язычниками» [8, с. 104]. Вне исламского мира оставались жители только Асахского ущелья, которое граничит с запада с грузинским горным регионом Тушети, а с юга — с Кахети. Благодаря своему расположению, географической изолированности, а также наличию укрепленного поселения Асах в центре ущелья, им долго удавалось сохранять независимый статус «последних язычников Дагестана».

К этому времени, согласно сведениям, собранным в 1832 г. русским офицером И. Норденстамом, газии Анцуха обложили жителей некоторых ущелий Цунты налогами. «По рассказам жителей, Анцух и Хуанал в прежние времена составляли одно общество под названием Анцуха. Общество сие было тогда самое сильное в Анкратле и славилось во всем Дагестане своим могуществом и богатством». В то же время часть жителей Цунты платили им ежегодно налоги. В первой половине XVIII в. жители Цунты пытались периодически освободиться от этих выплат [9, с. 323].

Свидетельством наличия такого рода выплат со стороны жителей Цунты анцухцам служит их упоминание в известном правовом сочинении, содержащем переписку по различным вопросам исламского права ученых Титалава из Караты (нач. XVIII в.), Дауда из Усишы (ум. в 1757 г.) и Ибрагима из Урады (ум. в 1770 г.) [9; 10]. В этом сочинении поднят вопрос о законности взимания джизьи с цунтинцев, поскольку они уже являются мусульманами. Ввиду важности данных, приводим перевод ответа по данному вопросу в полном виде: «А что касается того, что вызы-

мают тлебелал и другие с цунтинцев, тушин и грузин под видом джизьи, то это следует считать *фай*²³, пока последние пребывают в неверии. Поскольку, выплачивая его (налог), тем самым они (неверные) преследуют цель избавиться от военных действий со стороны мусульман и обезопасить себя от вреда с их стороны, то таким образом, его следует считать данью, о чем неоднократно указывают ученые-правоведы. Однако после принятия ислама неверными обязанность выплаты дани с них снимается как противоречащая шариату, и последующее взимание ее запрещено. Соответственно то, что взимают тлебелал и другие, также следует признать недо-зволненным, как следует понимать из слов [правоведов]» [3, с. 30].

Учитывая, что сочинение было составлено в начале XVIII в., следует предположить, что к тому времени подавляющее большинство цунтинских аварцев уже приняли ислам, и потому встал вопрос об освобождении их от джизьи, поскольку запрещается взимать его с мусульман. Также этот отрывок подтверждает данные «Истории Анкратля» об исламизации Цунты усилиями анцухцев.

Таким образом, очевидно, что к середине XVIII в. часть жителей Цунты добровольно приняла ислам и не платила никаких налогов Анцуху, другая часть вынуждена была принять ислам в результате военных действий и платила налоги по традиции, а жители Асаха приняли ислам только формально и потому по-прежнему платили джизью как приверженцы традиционных верований.

Прервала эту традицию эпидемия холеры, унесшая жизни большей части анцухцев в 1769/1770 г. [11, с. 61]. Согласно сведениям Норденстама от 1832 г., «тому лет назад около 80 или 100 свирепствовала в Дагестане какая-то повальная и заразительная болезнь (по словам жителей, не чума), от которой умирало очень много людей. Смертность была очень велика, особенно в Анцухе и Хуанале, где народонаселение уменьшилось до того, что некому было работать и скот пропадал без присмотра. Дидойцы, видя бедственное положение анцухцев и капучинцев и чувствуя себя не слабее своих владельцев, воспользовались сим случаем и отказались от платежа дани, предъявив тому причину, что боятся заразы; прошел год, другой, и они вовсе отказались от исполнения прежних обязанностей» [9, с. 323]. Стоит отметить, что также мы располагаем сообщением начала 1770-х годов, согласно которому цунтинцы в прошлом ежегодно уплачивали анцухцам с двух семей по одной овце [12, с. 128].

Сам факт уплаты джизьи и обстоятельства, при которых произошло освобождение от уплаты этого налога асахцев, позднее всех цунтинцев принявших ислам, нашли отражение и в устной традиции. В Асахском ущелье распространено предание о том, что анцухцы приходили для сбора *магъало* (авар. «налог»), который заключался в одной овце с каждого хозяйства. Асахцам такое положение дел надоело, и они во главе с лидером молодежи по имени Оки решили избавиться от ежегодного сбора. В очередной раз в Асах заявили для сбора положенного им овцепоголовья семь анцухцев — двое на конях, один из них с флагом, и пятеро пеших. Дождавшись, пока они зайдут в узкий проход между многоэтажными дома-

---

²³ *Фай'* (араб. «возвращение»). Средневековые исламские богословы понимали под этим термином прежде всего налоги с иноверцев (джизья, харадж), которые рассматривались как выкуп за жизнь и право пользоваться землей, которая, в отличие от заката и хумса, являлась доходом всех мусульман. Такие исламские богословы, как аль-Маварди и аль-Газали, полагали, что из *фая* должен выделяться хумс, в то время как из хараджа или джизьи хумс не выплачивается.

ми-башнями, асахская молодежь во главе с Оки перебила анцухцев. Однако одному из них удалось бежать. Вскоре Асах был окружен отрядом, который собрали анцухцы. После нескольких недель осады анцухцам пришлось возвратиться обратно, получив в качестве утешения дорогое ружье дагестанского производства, известное аварцам как «базали» [3, с. 32].

Таким образом, вводимые в научный оборот источники позволяют внести ясность в ряд вопросов, касающихся темы исследования. Принявшие ислам в 1476–1483 гг. жители Анкратля, прежде всего анцухцы, стали активными проводниками новой для них религии в соседнем регионе Цунта. До 1770 г. под влиянием Анцуха находился почти весь Анкратль, а также Цунта. Анцухцы в качестве газиев возглавили процесс исламизации южной части горной Аварии. Соответственно, их право сбора налогов было «освящено» исламским правом, а также реальной военной силой. Несмотря на активные попытки приобщить цунтинцев к исламу в конце XV в., первым успехом они увенчались лишь к концу XVI в. В целом исламизация Цунты затянулась на несколько веков и была завершена лишь в первой половине XVIII в. Это обстоятельство следует объяснить прежде всего географическими условиями — удаленностью Цунты от исторических исламских центров Дагестана, а также его труднодоступностью. Приобщение к мусульманству населения Цунты стало завершающим этапом многовекового процесса исламизации Дагестана.

Литература

1. *Айтберов Т. М.* Дагестанские документы XV–XVII вв. // Письменные памятники Востока. 1975. М.: Наука, 1982. С. 4–11.
2. *Айтберов Т. М.* Аноним Муслима из Урады (XV–XVI вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по арабистике). М.: Наука, 1978. С. 62–70.
3. *Шехмагомедов М. Г., Хапизов Ш. М.* «История Анкратля» (перевод с арабского языка, комментарии и исторический контекст) // Вестник ДНЦ РАН. 2016. № 61. С. 23–37.
4. *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / пер., предисл., словарь и указ. Н. Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 340 с.
5. *Айтберов Т.* Компильция Гебека Сиухского как источник по истории Дагестана XV–XVI вв. // Всесоюзная школа молодых востоковедов (тезисы докладов и сообщений молодых ученых). М.: Наука, 1980. Т. 2. Ч. 2: История. Идеология. Источниковедение. С. 131–134.
6. *Юсупова Л. П.* Анцух: социально-экономическое развитие в XVII–XIX вв. Махачкала: АЛЕФ, 2015. 132 с.
7. *Айтберов Т. М.* Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1980. С. 109–129.
8. *Вахушти Багратиони.* Описание царства Грузинского (география Грузии) / под ред. Т. Ломоури, Н. Бердзенишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1941. 356 с. (На груз. яз.)
9. *Норденстам И. И.* Описание Антль-Ратля. 1832 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена, Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1958. С. 319–328.
10. *Мусаев М. А., Шехмагомедов М. Г.* Жизнь и творчество дагестанских ученых-богословов XVIII в. (ал-Усиши, ал-Уради, ал-Аймаки и ал-Мачади) в местных арабоязычных биографических сочинениях XIX — начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 390.
11. *Мусаев М. А.* Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–14. С. 3223–3228.

12. Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М. Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1988. С. 44–62.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2021 г.;
рекомендована к печати 15 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Хапизов Шахбан Магомедович — канд. ист. наук; markozul@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич — shehmagomedov.magomed@yandex.ru

Reconstruction of the Last Stage of the Spread of Islam in Dagestan on the Basis of Local Arabic-language Written Sources (16th–17th Centuries)

Sh. M. Khapizov, M. G. Shekhmagomedov

Institute of History, Archeology and Ethnography
of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
12, ul. Daniyalova, Makhachkala, 367000, Russian Federation

For citation: Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. Reconstruction of the Last Stage of the Spread of Islam in Dagestan on the Basis of Local Arabic-language Written Sources (16th–18th Centuries). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 1, pp. 54–70. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.104> (In Russian)

The article examines the process of the spread of Islam in Tsunta, i. e., in the southwestern part of Highland Dagestan, which is now part of the Tsuntinsky district of the Republic of Dagestan. By the end of the XV Century Tsunta was the only micro-region in Dagestan whose inhabitants did not yet adhere to Islam. The study is based on a comprehensive approach to the issue: the authors use information from epigraphic monuments, narratives, already published written sources, as well as oral traditions recorded by them. The latter are used only as an auxiliary source, which helps to bring additional facts to the reconstructed picture. The basic sources are local Arabic-language written sources, epitaphs of memorial monuments and written correspondence of representatives of the spiritual and political elite of Dagestan with the rural societies of mountain Dagestan. The former were identified by the authors in the Kortan locality, located in the Antsukh Gorge, Tlyaratinsky district. During the archaeographic expedition the authors also identified three Arabic-language letters, which contain answers to some key questions related to the topic under study. One of them, as it turned out, had already been previously published, but the authors offer their own version of the translation, as well as publish a copy of the letter for the first time. The other two letters are being researched for the first time. The authors have managed to identify a previously little-known phenomenon of the functioning of the Ghazi center in medieval Dagestan. From Kortan, with the involvement of volunteers from other settlements, military campaigns were organized against “pagan” communities that did not want to convert to Islam. From there, Qadis and other representatives of the Islamic clergy were appointed to Tsunta to carry out missionary work on the spot. We were also able to date the process of the spread of Islam in Tsunta, which took place from the end of the sixteenth century to the beginning of the eighteenth century.

Keywords: Dagestan, Islam, Ghazis, epigraphy, Arabic.

References

1. Ajtberov T. M. Dagestan documents of XV–XVII centuries. *Pismennyye pamyatniki Vostoka*. 1975. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 4–11. (In Russian)

2. Ajtberov T.M. Anonymous of Muslim from Urada (XV–XVI Centuries). *Pismennye pamyatniki i problemy istorii kulʹury narodov Vostoka. XIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya po arabistike)*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 62–70. (In Russian)
3. Shekhmagomedov M.G., Khapizov Sh.M. “History of Ankrati” (translation from Arabic, comments and historical context). *Vestnik DNC RAN*, 2016, no. 61, pp. 23–37. (In Russian)
4. Vahushti Bagrationi. *History of the Kingdom of Georgia*. Transl., foreword, dictionary and notes N. T. Nakashidze. Tbilisi, Mecniereba Publ., 1976. 340 p. (In Russian)
5. Ajtberov T. The Gebek Siukhsy Compilation as a source for the history of Dagestan of the XV–XVI Centuries. *Vsesoyuznaya shkola molodyh vostokovedov (tezisy dokladov i soobshchenij molodyh uchenykh)*. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2, iss. 2: Istoriia. Ideologiya. Istochnikovedenie, pp. 131–134. (In Russian)
6. Yusupova L.P. *Antsukh: socio-economic development in the XVIII–XIX Centuries*. Makhachkala, Alef Publ., 2015. 132 p. (In Russian)
7. Ajtberov T.M. From Dagestan memorial records. *Vostochnye istochniki po istorii Dagestana*. Makhachkala, Dagestanskii filial AN SSSR Publ., 1980, pp. 109–129. (In Russian)
8. Vahushti Bagrationi. *Description of the Kingdom of Georgia (Geography of Georgia)*. Ed. by T. Lomouri, N. Berdzenishvili. Tbilisi, Mecniereba Publ., 1941. 356 p. (In Georgian)
9. Nordenstam I. I. Description of Antl-Ratl. 1832. *Istoriia, geografiia i etnografiia Dagestana. XVIII–XIX vv. Arhivnye materialy*. Eds M. O. Kosven, H.-M. Hashaev. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 319–328. (In Russian)
10. Musaev M. A., Shekhmagomedov M. G. Life and creativity of Daghestan scholars-theologians of the XVIII Century (al-Usishi, al-Uradi, al-Aymaki and al-Machadi) in the local Arabic-language biographical works of the XIX — early XX Century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 3, p. 390. (In Russian)
11. Musaev M. A. The View of “lekianoba” in the context of the study of legal opinions of Daghestan scholars-theologians of the XVIII Century, *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, no. 10–14, pp. 3223–3228. (In Russian)
12. Ajtberov T.M., Abdulkherimov M.M. Review of some manuscript collections of Dagestan. *Izuchenie istorii i kultury Dagestana: arheograficheskij aspekt*. Makhachkala, Dagestanskii filial AN SSSR Publ., 1988, pp. 44–62. (In Russian)

Received: April 21, 2021
Accepted: December 15, 2021

Authors' information:

Shakhban M. Khapizov — PhD in History; markozul@mail.ru

Magomed G. Shekhmagomedov — shehmagomedov.magomed@yandex.ru